

© Лепский В.Е., Дружный Б.М., Соболев Е.Ю.
Lepskiy V., Druzhnyy B., Sobol E.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОТИВОБОРСТВА

HUMANISTIC GROUNDS IN THE DEVELOPMENT OF COOPERATION AND CONFRONTATION TECHNOLOGIES

Аннотация. При анализе современного инструментария информационных войн обнаруживается, что, как правило, исходными основаниями его развития были гуманистические мировоззренческие посылки и принципы, ориентированные на кооперацию, учет совместных интересов, ненасилие и др. В то же время эти инструменты всегда приобретали характер двойного назначения и, несмотря на исходные гуманистические основания, часто использовались как инструменты информационных войн, конфликтов и противоборств. В статье прослеживается гуманистическая линия в эволюции инструментов информационных войн от игр с нулевой суммой до технологий «мягкой силы». Анализируются примеры их применения в современных международных отношениях.

Annotation. Analyzing modern instruments of information warfare we discover that, as a rule, the initial grounds of its development were humanistic premises and principles concerning world-view. They were oriented to cooperation, taking into account shared interests, non-violence etc. At the same time these instruments always assumed the character of twofold purpose and, in spite of the initial humanistic grounds, were often used as the instruments of information warfare, conflicts and confrontation. In this article we draw the humanistic line in the evolution of information warfare instruments from zero-sum games to the "soft power" technologies. The analysis of their application in modern international relations is also provided.

Ключевые слова. Сотрудничество, противоборство, информационная война, теоретико-игровой подход, концепция «мягкой силы», технология «управляемого хаоса», принцип запрета эгоизма, философия ненасилия, рефлексивный процесс.

Key words. Cooperation, confrontation, information warfare, game-theory approach, concept of "soft power", technology of controlled chaos principle of egoism prohibition, philosophy of non-violence, reflexive processes.

1. Базовые гуманистические основания эволюции технологий сотрудничества и противоборства

В начале XXI века мировое сообщество все более отчетливо начинает осознавать, что старые парадигмы организации мирового порядка, отношений между государствами, этносами, культурами и их носителями, конфессиями, экономическими субъектами и другими социальными образованиями безнадежно устарели и могут привести человечество к катастрофе.

Актуальна проблема принятия мировоззренческих основ, ориентированных на преодоление эгоизма, насилия и других негативных качеств, присущих субъектам современных социально-экономических и полити-

ческих отношений. Сегодня мы можем только обозначить контуры такого рода мировоззрения, которые находят свое отражение в эволюции технологий сотрудничества и противоборства.

Преодоление индивидуализма (кризис идентификации). Разрушение структур социально-групповой идентификации, «новая атомизация» и ее оборотная сторона – «массовизация» – диагностируются как «смерть социального». Его деградация выражается в размывании свойственных модерну устойчивых границ между частным и общественным, в подмене масштабных социальных задач партикулярными устремлениями, в стремлении отказаться от достижения долгосрочных целей ради

Лепский Владимир Евгеньевич – доктор психологических наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН;
Дружный Богдан Михайлович – студент, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ;
Соболев Екатерина Юрьевна – студентка, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ.

Lepskiy Vladimir – doctor of psychology, main research fellow of Institute of philosophy (Russian academy of science);
Druzhnyy Bogdan – student, faculty of world economics and world politics, NRU HSE;
Sobol Ekaterina – student, faculty of world economics and world politics, NRU HSE.

получения немедленных результатов. Это проявляется в доминанте индивидуализма при формировании социальных отношений и общностей, приоритета прав субъектов перед обязанностями взаимной регуляции целей, отношений и действий. Являясь основой рыночной экономики, индивидуализм привел сегодня мир к нестабильной однополярной системе и служит одной из главных причин нахлынувшей волны терроризма.

Этот парадоксальный стереотип формировался в условиях, когда можно было провести четкие границы между государствами и локализовать сферы экономической деятельности, когда воздействие на окружающую среду отдельных субъектов не приводило к глобальным последствиям для всей планеты, когда человечество не было заложником отдельных асоциальных элементов и группировок, когда было корректным понимание автономного существования отдельных государств и других видов социальных образований. Однако в полной мере плоды парадоксальности индивидуализма обнаружались сегодня, когда на планете сложилась другая ситуация - мы все зависим друг от друга. Необходимы другие механизмы регулирования совместного проживания, основанные на кооперативном начале, а не на индивидуализме, позволяющие обеспечивать взаимопонимание и доверие субъектов, динамичные переходы от конфликтов к кооперации и партнерству. Индивидуализм не может быть основой для регуляции отношений в динамично меняющемся современном мире, на что еще в начале XX века указывал отечественный философ Н.Ф. Федоров.

Надежды на то, что механизмы демократии сами по себе обеспечат решение проблемы преодоления индивидуализма не обоснованы, аналогичные мифы были о рынке с надеждами, что он сам отрегулирует экономические отношения. Более того сегодня в России отчетливо проявляются тенденции формирования «демократии атомизированного общества»[1].

Преодоление индивидуализма неразрывно связано и с *преодолением эгоизма*. В эпоху глобализации и перехода от индустриального к постиндустриальному обществу философия субъектов инновационного развития должна быть ориентирована на ценности и смыслы, включенные в широкий социальный контекст. Это проявляется в решительном отказе от культа самости, исключительной заботе о самом себе и становится ведущей ориентацией на обращение к миру, к чужому, к другому [2].

Доминанта кооперации над конкуренцией. В традиционной организации каждый ее член, прежде всего, должен конкурировать со всеми другими и защищать себя от них и как личность, и как член функциональной груп-

пы. Кооперация, формально требуемая везде, где есть взаимозависимая работа. Тем не менее она не занимает лидирующего места в шкале ценностей. Философия кооперантности вступает в явное противоречие с экстремистскими индивидуалистическими взглядами, которые пытаются навязать неолибералы. Она несовместима и с широко распространенными взглядами «экономического редукционизма» и с монополией критерия прибыльности.

Этика ненасилия. В духовной истории человечества есть особая этическая линия, которая понимает мораль как ненасилие и в этом качестве придает ей значение непосредственной и абсолютной основы человеческого существования. Ее условно можно назвать этикой ненасилия [3]. Ненасилие составляет нормативное содержание золотого правила нравственности, которое можно считать универсальной формулой гуманизма, своего рода этическим инвариантом всех культур. Идея ненасилия является итоговым выводом, вытекающим из продуманного и цельного взгляда на мир. Она венчает определенную метафизику, антропологию и этику человеческого существования. Этика ненасилия ориентирована на бесконечность человеческого развития. Сама конечность земной жизни получает объяснение и оправдание в бесконечности внутреннего самосовершенствования. Более того, ее можно понять как настоятельное требование такого самосовершенствования.

Рассмотренные гуманистические основания развития человечества отчетливо прослеживаются и в эволюции технологий сотрудничества и противоборства. В статье прослеживаются эти тенденции на примере развития технологий моделирования противоборств от игр с нулевой суммой до концепции «мягкой силы». К сожалению, в ряде случаев гуманистические послышки используются для маскировки агрессивных эгоистических действий ведения информационных войн, используя инструментарий, исходно создаваемый для обеспечения процессов сотрудничества.

2. Гуманистическая эволюция игрового подхода: от игр с нулевой суммой к играм на основе принципа запрета эгоизма

Теоретико-игровой подход позволил построить одну из прекраснейших теорий двадцатого века – теорию игр, которая нашла широкое применение в различных сферах управленческой практики и в информационных войнах. Первый шаг к созданию этой теории сделал Джон фон Нейман в 1928 году, доказав теорему о существовании минимакса в играх двух лиц с нулевой суммой. На начальном этапе становления теоретико-игрового

подхода рассматривались в основном игры с нулевой суммой – игры с противоположными интересами, в которых выигрыш одного игрока равен проигрышу другого. Следует отметить, что теория игр обрела не только нормативный характер (т.е. давала указания, как следует играть – принимать управленческие решения), но и предсказательный (т.е. указывала на наиболее вероятное поведение игрока). Пик популярности теории приходится на 50-60-е годы двадцатого века. В это время она становится основной референтной теорией принятия управленческих решений в условиях конфликта. Такие понятия как максимальный минимум (maxmin), игра с нулевой суммой, смешанная стратегия начинают употребляться не только специалистами, но и людьми далекими от математики – военными, дипломатами, политиками и даже журналистами.

Однако в 70-е годы в использовании теории игр (прежде всего игр с нулевой суммой) наступил кризис. Многочисленные экспериментальные исследования показали, что поведение людей не просто является каким-то отклонением от «оптимального» (соответствующего ожидаемому в рамках нормативных методов) – оно имеет принципиально иной характер. Этот вывод поставил под сомнение основы аксиоматического подхода к моделированию механизмов формирования полезности у человека, а также в целом адекватность сложившихся представлений о теоретико-игровом подходе. Официальное признание неадекватности данного подхода было зафиксировано спустя много лет при присуждении *Д. Канеману* в 2002 г. Нобелевской премии по экономике за исследование формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности. Канеман внес весомый вклад в становление «экономики с человеческим лицом», а также повлиял на осознание принципиальных ограничений в использовании теоретико-игрового подхода в международных отношениях.

Существенный вклад в развитие игрового подхода был сделан *Т.К.Шеллингом*, которому была также присуждена Нобелевская премия по экономике за 2005 год с формулировкой «за расширение понимания проблем конфликта и кооперации с помощью анализа в рамках теории игр». Т. Шеллинг – один из первых западных исследователей, понявших, что для понимания международного конфликта не пригодна модель игры с нулевой суммой (когда выигрыш одного участника непременно означает точно такой же по масштабам и ценности проигрыш для другого, ибо интересы сторон полностью противоположны). Исследователь должен исходить из предположения о том, что международным де-

лам присуще не только противоборство, но и взаимозависимость. Это означает, что даже в ситуации конфликта взаимодействующие стороны имеют общий интерес в достижении взаимно выгодных результатов. Отсюда следует, что на основе взаимных ожиданий (вполне обоснованных с точки зрения рационального поведения участников) возможен компромисс между сторонами конфликта, что предполагает и делает возможным сотрудничество.

Шеллинг предложил новый тип точек равновесия, которые в описании игры формально никак не отличаются от любой другой стратегии, однако с точки зрения реальных игроков более вероятны, чем остальные. Шеллинг назвал такие точки равновесия фокальными [4]. Он, вероятно, одним из первых заметил, что рациональное поведение в играх может состоять не только в том, чтобы максимизировать свой собственный ожидаемый доход, но и в том, чтобы убедить оппонента, какой стратегии надо следовать – иначе говоря, рациональное поведение в игре должно носить стратегический характер.

В контексте рефлексивного анализа важно отметить, что Шеллинг обратил внимание на два аспекта:

1. Введение новых представлений о точках равновесия конкретных игроков (субъектов) – фокальных точек (Schelling, 1960). На основе формирования (выявления) общего канала реальности, общей картины мира, в которой игроки выделяют особенности, моделируя при этом и представления других игроков. Фактически речь идет о взаимном рефлексивном моделировании участниками взаимодействия.

2. Акцентирование внимания на необходимости учета в экономическом анализе внутренних конфликтов между разными «я». Необходимость полисубъектных представлений участников экономических отношений.

В работах Шеллинга четко просматривается гуманистическая ориентация направленности от конфликта к сотрудничеству. Однако в конкретных рекомендациях, касающихся международных отношений, его позиция не однозначна. Книга Шеллинга создавалась и увидела свет в период наиболее острого противоборства эпохи холодной войны, и поэтому многие ее выводы сделаны с позиций «образа врага», грешат односторонностью и предвзятостью. Более того, в стремлении найти средства «эффективного сдерживания советской угрозы свободному миру» ее автор не останавливается перед такими рекомендациями для США, как создание эффективной и реалистичной угрозы «возмездия» Советскому Союзу через совершенствование имеющихся и производство новых видов оружия массового уничтожения [5].

Вместе с Шеллингом ту же Нобелевскую премию по экономике получил и *ИР.Д.Ауманн*, который обосновал понимание равновесия в играх как предельного результата сложных процессов социального взаимодействия, причем результат этот оказывается кооперативным, то есть максимизирующим возможное благосостояние всех участников. Принципиальным вкладом Ауманна в науку является понятие «общего знания». Некоторый аспект интерактивного взаимодействия субъектов экономических отношений является общим знанием, если все участники знают, что этот аспект имел место, и знают, что они располагают такой информацией – то есть знают, что знают этот аспект, знают, что они знают, что они это знают и так далее до бесконечности. Важно отметить, что Ауманн допускал интерпретацию «общего знания» не как нормативного (как-то, что игроки должны знать о тех или иных аспектах игры), а как позитивного – описания того, что они знают в каждый конкретный момент игры. Фактически Ауманн ввел в экономический анализ конфликтов рефлексивные процессы, имеющие место в интерактивном взаимодействии участников экономических отношений. Линию доминирования коллективных интересов над индивидуальными Ауманн последовательно воплощал не только в научных исследованиях, но и в жизни. Ауманн консультировал Агентство США по контролю за вооружениями и разоружению, активно вел популяризацию научных знаний в области экономики, в частности, обосновывая необходимость предотвращения сговоров участников рыночных отношений.

Значительный вклад в представление о рациональности в контексте теории игр внес А. Раппопорт, который большое внимание уделил исследованию одной из важных задач теории игр, связанной с «дилеммой заключенного». Арестованы два человека. Свидетельств, достаточных для обвинения в краже, нет, но имеются изъятые украденные вещи. Каждому отдельно разъясняют ситуацию. Если сознаются оба, то срок за кражу будет сокращен. Если ни один не сознается, то оба будут осуждены за хранение краденных вещей и приговорены к меньшему сроку, чем за кражу. Если сознается кто-то один, то он будет освобожден, а другой получит полный срок за кражу. Эта дилемма привлекла внимание социальных психологов к вопросу о различии между индивидуальной и коллективной рациональностью в реальной жизни. Если в переполненном зале случается пожар, то, с точки зрения индивидуальной «рациональности», каждый должен стремиться как можно быстрее добраться до выхода. Но в результате этих индивидуальных действий могут погибнуть все. В современной геополитике это индивидуальное

искушение называют «превентивным ударом». Однако совершенно ясно, что для обоих было бы лучше, если бы каждый отказался от мысли о превентивном ударе и поверил в такое же намерение другого [6]. Дилемма узника находит разнообразное применение и в экономической теории, в частности демонстрируя неэффективность экономики свободной конкуренции. Важно отметить, что Раппопорт не только опирался на гуманистические основания при развитии игрового подхода, но и последовательно ими руководствовался в своей научной и практической деятельности. Он был президентом «Канадской ассоциации исследований проблем мира» (1972–1975 гг.), а также президентом общества «Наука за мир» (1984–1986 гг.).

Важное направление развития теоретико-игрового подхода связано с рефлексивными математическими моделями (основатель *В.А. Лефевр* в 1960-е годы). Они, по замыслу создателей, предназначались для преодоления ограничений, сформированных в рамках естественнонаучных представлений классической науки, проявившихся при исследовании систем, сравнимых с исследователем по совершенству [7]. Фактически было создано новое направление включения гуманитарных знаний в построение моделей субъектов, включенных в процессы сотрудничества и противоборства. Это направление также определило развитие кибернетики второго порядка [8]. Исходные посылы становления рефлексивных исследований были в значительной степени определены познавательной мотивацией и гуманистической направленностью, однако наибольший интерес к данной проблематике возник в сфере управления конфликтами. Рассмотрим основные направления исследований, повлиявших в той или иной степени на проблематику игрового подхода.

Во-первых, это было связано с учетом в моделях рефлексивных представлений участников взаимодействий. В контексте теоретико-игрового подхода *В.А. Лефевр* показал, какого рода рефлексивные процессы порождают использование принципа гарантированного результата, он впервые ввел в игровой подход формализованное представление рефлексивных моделей, а также ввел понятие «рефлексивное управление» [7]. Понятие рефлексивного управления широко используется в мировой науке и практике как в организации сотрудничества, так и противоборства [9]. На основе анализа поведения фантомных агентов, существующих в представлениях других реальных или фантомных агентов, *Д.А. Новикову и А.Г. Чхартшвили* удалось предложить в качестве решения рефлексивной игры информационное равновесие, которое является обобщением ряда известных кон-

цепций равновесия в некооперативных играх [10]. Т.А. Таран провела расширение пространства моделирования выбора с учетом рефлексивных представлений до многозначных логик [11] и др.

Во-вторых, это проявилось в преодолении слишком упрощенного взгляда на человеческие ценности. В частности были разработаны четыре модели выбора, когда наряду с утилитарными присутствуют и высшие ценности. В основе всех этих моделей лежит представление рефлексивного субъекта, т.е. предполагается, что субъект может иметь образы себя и других субъектов вместе с их внутренними мирами. Простейшие ситуации, в которых высшие ценности играют существенную роль, связаны с восприятием людьми успеха или неуспеха других людей.

В 1969 году была построена *первая формальная модель* генерации высших ценностей в подобных ситуациях, в которой каждый субъект являлся локальным центром социального организма, и ценности других членов группы влияли на его ценности [12].

Вторая модель [13] была создана для выявления склонности субъекта выбрать определенный тип отношения к другому субъекту. В рамках этой модели таких отношений может быть только два – союз или конфликт. Выбор одного из них предопределяется не утилитарными, а высшими ценностями. Мотивация выбора зависит от этического статуса образа себя у субъекта. Человек, рассматриваемый в своей культуре как достойный, стремится выбрать такое отношение, при котором этический статус образа себя будет выше, т.е. субъект будет лучше выглядеть в собственных глазах.

Третья модель – это модель биполярного выбора. Анализ экспериментальных данных показал, что биполярная модель позволяет объяснить наблюдаемое отклонение реальных стратегий, которыми пользуются как люди, так и животные, от стратегий, оптимальных, с точки зрения утилитарных ценностей [14-15].

Отдельные субъекты очень редко принимают решения, находясь в изоляции. Обычно на них воздействуют другие субъекты, входящие с ними в одну группу. Члены группы могут находиться друг с другом в отношении союза или конфронтации. В рамках рефлексивных моделей выбор генерируется многоэтажной рефлексивной структурой, т.е. у каждого субъекта есть система образов себя, в свою очередь содержащих системы образов себя. Поставим следующий вопрос: какова универсальная высшая ценность, объединяющая группу субъектов. В теории рефлексивных игр [16] (это *четвертая модель*) такой универсальной общей ценностью

является *принцип запрета эгоизма*. Он формулируется так: каждый субъект, входящий в группу, преследуя свои личные цели, не должен наносить ущерб группе как целому. Таким образом, действия, выгодные для субъекта, но не выгодные для группы, являются неприемлемыми. Важно заметить, что этот принцип не запрещает действия, направленные против интересов группы или общества, если лицо, их совершающее, не получает никакой личной выгоды.

Принцип запрета эгоизма играет в теории рефлексивных игр примерно ту же роль, какую играет принцип гарантированного результата в классической теории игр. Теория рефлексивных игр позволяет предсказывать выборы субъектов, входящих в группу, если нам известен граф отношений между субъектами и их воздействия друг на друга.

Очевидно, что становление рефлексивных исследований опиралось в значительной степени на гуманистические основания, но нашло наибольшее применение в сфере информационных войн и различного рода конфликтов. Приведем несколько примеров. Предложенные Лефевром модели этических систем, изначально сопровождалась иллюстрацией, в которой у граждан США доминирует первая этическая система (ради добра нельзя совершать зло), а у граждан СССР – вторая этическая система (цель оправдывает средства). Как с позиции такого рода оценки высокой этичности США можно объяснить их действия в Югославии, Ираке, Африке и др. Из анализа которых, очевидно, следует, что поведение США укладывается исключительно в рамки второй этической системы. Можно возразить, что граждане и власть это не одно и то же. Согласимся, однако, США считаются страной продвинутой демократии, где власть выбирают граждане. Эти же модели были использованы для обеспечения переговоров по ядерному разоружению в Рейкьявике, которые сопровождалась мощной поддержкой системы информационного противоборства со стороны США. За участие в консультировании этих переговоров автор модели этических систем (как гражданин США) был награжден Грамотой посла США в СССР. Интересны попытки использовать математические модели рефлексивных процессов в борьбе с терроризмом [17].

3. Философия ненасилия как основа технологий «ненасильственных действий» свержения неугодных режимов

Методы теоретико-игрового подхода использовались в основном в международных отношениях для обеспечения принятия стратегических решений. В контексте

информационных войн в период холодной войны США и СССР актуальными стали и другие комплексные практические задачи, в частности, задача свержения неугодных режимов без применения военной силы. Фактически задача «скрытого» вмешательства во внутренние дела независимых государств с целью организации переворотов.

В начале 80-х годов прошлого века в Центре международных отношений Гарвардского института Джин Шарп создает Программу «ненасильственных действий», опирающуюся на его практико-ориентированную книгу «Методы ненасильственных действий» [18]. Позднее концептуальные основы были изложены в его книге «От диктатуры к демократии» [19]. Эти книги представляют интерес, как руководство к действию, подробно раскрывающие тактику и стратегию подрывной деятельности внутри тоталитарных и авторитарных государств. Уточним – тоталитарных с точки зрения так называемых развитых западных демократий. Эти книги были переведены на десятки языков мира, и использовались практически во всех «горячих точках» от времен холодной войны (события в Прибалтике) до недавних событий «арабской весны».

Из интервью Шарпа газете «Комсомольская правда» [20] известно, что он изучал труды классиков философии ненасилия, работы Махатмы Ганди и хотел изучить русский язык, чтобы подробнее познакомиться с идеями Л.Толстого. Философия ненасилия была важной основой в его работе. В итоге получились технологии, использование которых привело к разрушению десятков государств и гибели миллионов людей.

4. Технологии управляемого хаоса – инструмент разрушения субъектности развития и «перехвата управления»

Развитие научных основ управления сложными системами (управления сложностью) способствовало формированию нового подхода и технологий управления социальными системами. Любой эволюционный процесс выражен чередой смен противоположных состояний – порядка и хаоса, которые соединены фазами перехода к хаосу (гибели структуры) и выхода из хаоса (самоорганизации). Использование парадигмы «динамического хаоса» было перенесено и на анализ трансформирующегося общества, что привлекло внимание многих исследователей. Переход общества через состояние хаоса может осуществляться двумя способами. Первым – на гуманистических основаниях, если стимулируются на основе самоорганизации процессы становления новой способной к развитию социально-ориентированной

общности. Вторым – переводом общества посредством манипуляций в состояние планируемое организаторами хаоса.

В практике международных отношений получил распространение второй способ, который получил название «технологии управляемого хаоса». Это парадоксальное понятие предполагает, что в хаос превращалась экономическая и социальная жизнь стран, которые становились объектом воздействий. Этот новый вид технологий подробно описал один из его разработчиков и экспертов Стивен Манн, который лично участвовал в создании многих очагов управляемого хаоса в разных точках мира (в том числе и в СССР). Он прямо говорит о необходимости «усиления эксплуатации критичности» и «создания хаоса» как инструментах обеспечения национальных интересов США. В качестве механизмов «создания хаоса» у противника он называет «содействие демократии и рыночным реформам» и «повышение экономических стандартов и ресурсных потребностей, вытесняющих идеологию».

Согласно С.Ману, существуют следующие средства создания хаоса на той или иной территории:

- содействие либеральной демократии;
- поддержка рыночных реформ;
- повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего в элите;
- вытеснение ценностей и идеологии [21].

Деидеологизация, идейный плюрализм, сбрасывание «балласта» ценностей, резкое повышение материальных запросов, прежде всего в элите, потеря управляемости экономикой, беспредел «демократических», якобы самостийных, движений (часто имеющих этноконфессиональную окраску) — все это сознательно, на четко и подробно разработанной научной основе внедряемые составляющие «управляемого хаоса», служащие главной цели — демонтажу ныне существующих национальных государств, традиционных культур и цивилизаций. На их место должно, по замыслу глобалистов, прийти нечто совершенно новое, а именно — общество, состоящее из людей со стертой исторической памятью (что, в свою очередь, достигается при помощи особых технологий, относящихся в основном к сфере СМИ, образования и культуры).

Фактически главной задачей применения технологий управляемого хаоса является разрушение субъектности развития, чего успешно удалось добиться на примере их использования в ряде стран [22].

Гуманистический потенциал, который заложен в возможности перехода общества через состояние «хао-

са» в более развитое состояние, в сложившихся на Западе представлениях о технологиях управляемого хаоса используется для маскировки эгоистических намерения перехвата управления организаторами такого рода процессов. Сложившиеся в настоящее время технологии управляемого можно отнести к особому виду оружию массового поражения.

5. «Мягкая сила» – шаг на пути к отказу от взаимного антагонизма или новый виток гонки информационных войн?

В 90-е годы прошлого столетия все большее внимание стала привлекать целесообразность комплексного использования различных форм воздействия на субъектов международных отношений (военного, экономического, «мягкая сила» и др.). Принципиально важно отметить, что ведущими идеологами и методологами такого рода исследований и авторами практических разработок стали профессиональные военные. В определенной степени это может интерпретироваться как гуманистическая направленность, однако результаты такого рода операций далеко не всегда оправдывают эту точку зрения.

«Мягкая сила» – это способность воздействовать на других субъектов не силой принуждения, а силой привлечения [23]. Очевидно, что если вы нравитесь кому-то, то вам будет гораздо проще привлечь этого человека на свою сторону, заручиться его поддержкой. В контексте международных отношений «мягкая сила» является одним из инструментов политики – одни государства при помощи своего авторитета и привлекательности получают возможность влиять на других. Основными источниками влияния в данном случае являются институты, культура, базовые ценности субъекта международных отношений, а также его политика – конкретные действия по отношению к другим участникам международных отношений. Основная особенность «мягкой силы» – это то, что использование данного инструмента в международных отношениях несет в себе потенциал перехода от противодействию к сотрудничеству. Иными словами, политика государства, активно использующего инструменты «мягкой силы», рождает преимущества обеим сторонам. Этот факт позволяет предположить, что «мягкая сила» является технологией «двойного дивиденда» во взаимодействии между субъектами мировой политики. Таким образом, соперничество как метод ведения политики становится далеко не единственным. В целом, рассматривая различия между «мягкой» и «жесткой» силой, стоит остановиться подробнее на некоторых аспектах. Во-первых, отличие «мягкой силы» в том, что она позволяет оказывать влияние, или,

иными словами, направлять действия других субъектов в свою пользу при их согласии и добровольном участии. Так как власть является нематериальным фактором и не прямо пропорциональна количеству вооружений и экономических ресурсов, то принципиально важно, что обладание ею может обеспечить стратегическое преимущество даже при отсутствии других рычагов влияния.

Рассмотрим конкретные примеры использования «мягкой силы» во взаимодействии между субъектами международных отношений. Пальма первенства в практическом использовании концепции «мягкой силы» принадлежит США. Именно американский ученый (профессиональный военный) Джозеф Най разработал концепцию мягкой силы, обосновав необходимость ее использования исходя из неудач американской внешней политики в решении конфликтов (в качестве главного примера выступила «провальная» война в Ираке, затеянная Джорджем Бушем). В результате поменялся акцент американской дипломатии – от заявлений об уничтожении противника дело перешло к сотрудничеству и поиску компромисса. Ярким и очень эффективным примером использования «мягкой силы» в период продвижения Барака Обамы на пост президента США продемонстрировал его ведущий консультант З.Бжезинский, который издал монографию [24], в которой обвинял последних трех президентов США в имперской политике и призывал к партнерским отношениям в первую очередь со странами Исламского мира и прежде всего с установлением доброжелательных отношений с исламской молодежью. Обама пришел к власти, и как прозорливо смотрит политика Бжезинского в контексте событий «арабской весны». В период президентства Обамы, который активно использовал концепцию «мягкой силы» на практике, риторика по отношению к Ближнему Востоку заметно изменилась. Если сначала многие ближневосточные страны воспринимались как вероятные базы террористов и точки сосредоточения радикального исламизма, то после избрания Обамы главной линией дипломатии в отношениях с этими странами стал курс постепенного сближения и сотрудничества.

Использование одной лишь «жесткой силы» стоило США потери репутации и привлекательности не только со стороны арабских государств, но и со стороны Европы (региона, гораздо более лояльного к США). Администрация Обамы учла ошибки прошлых лет и изменила риторику отношений с Ближним Востоком. В данном случае дискурс публичной дипломатии стал тем фактором, благодаря которому отношение к США в определенной степени изменилось в лучшую сторону [25].

В целом многие страны эксплуатируют ресурсы «мягкой силы» для того, чтобы культивировать собственный позитивный имидж, помогающий им в регулировании отношений с другими государствами. Страны Западной Европы добились значительных успехов в этом плане. Многие из них обладают целым рядом развитых источников «мягкой силы» – к примеру, многовековой культурой, образованием и наукой, которые играют важную роль в формировании привлекательного образа государства. Образование имеет большое значение как инструмент приобщения жителей других государств к своей культуре и ценностям. Объективно можно заметить, что отношение к стране в целом меняется в лучшую сторону, если у индивида имеется личная с ней связь, полученная в процессе обучения в данной стране (особенно это касается получения высшего образования). Система высшего образования Западной Европы – хороший пример использования «мягкой силы». Так, система, установленная Болонским процессом, культивируется не только на территории самой Европы, но и в других странах. Гуманистические ценности и политические инициативы, связанные с ними – например, проекты по борьбе с пагубными последствиями изменения климата, движение за уничтожение нищеты, тоже играют роль инструментов, поддерживающих и аккумулирующих потенциал «мягкой силы» данного региона. Одной из базовых ценностей является проект общеевропейского объединения, поддерживаемый институтом Европейского союза, который, в свою очередь, является весьма привлекательным для других субъектов международных отношений, не входящих в него. Стремление присоединиться к Европейскому союзу, так как это приносит преимущества во многих сферах, включая экономику, культуру, образование и т.д. является тем рычагом, с помощью которого европейские страны, являющиеся членами ЕС (и особенно имеющие там наибольший вес – Германия и Франция) могут осуществлять властное воздействие на других субъектов. За недостатком военной мощи экономическое влияние и капитал «мягкой силы» составляют основную часть инструментов властного воздействия стран Западной Европы.

Следует также заметить, что концепция «мягкой силы» имеет и обратную, теневую сторону. В отдельных случаях применения «мягкой силы» осуществляются в форме манипуляций – такие случаи имеют место тогда, когда один субъект эксплуатирует источники «мягкой силы» другого субъекта (такие, как средства массовой информации, пропаганда собственных ценностей), не считаясь с его интересами. Такой процесс, по сути, является давлением, осуществляемым не при помощи традицион-

ных экономических и/или военных рычагов, а с использованием косвенных инструментов, напрямую, казалось бы, не имеющих отношения к политике. Пример подобной ситуации можно усмотреть в отдельных эпизодах «холодной войны». Информационное воздействие Соединенных Штатов в данном случае было направлено на изменение ценностей и приоритетов у жителей Советского Союза в ущерб традиционным ценностям и установкам. Можно предположить, что Советский Союз проиграл «холодную войну» именно из-за недостатка ресурсов «мягкой силы», а конкретно из-за неудачи в обратном процессе «навязывания» собственных ценностей жителям капиталистических стран (США в первую очередь).

В последние годы механизмы «мягкой силы» все в большей степени приобретают сетевой характер воздействия. Социальные сети стали двигателем революционного процесса на Ближнем Востоке – «Арабской весны». Предпосылки к протестам, существовавшие в реальности, были подкреплены и развиты именно в пространстве интернета. Пользователи, подключившиеся к социальным сетям в странах арабского Востока, совершили информационный скачок, поднявшись на новый уровень в культурном плане. Как следствие, произошла десакрализация ценностей, продвигаемых на национальном уровне. Далее произошла индоктринация части населения новыми идеями, распространяемыми в социальных сетях. После того, как активная и пассионарная часть молодежи перешла на позиции протеста против существующей внутривосточной ситуации, само протестное движение было запущено и скоординировано опять же с помощью социальных сетей. Такой сценарий на Востоке был в первую очередь запущен в Тунисе, приведя к массовым протестам. Затем последовали многие другие страны Ближнего Востока. В итоге можно сделать вывод, что массовые протесты «Арабской весны» начались в интернете, регулировались и координировались через интернет, но вылились в реальное пространство. Что также немаловажно, подобные события, подготовленные в социальных сетях, как правило не имеют единого руководителя. У такой революции нет штаба, поэтому выявить агентов влияния и других лиц, участвовавших в подготовке протестов, чрезвычайно сложно. Этот пример наглядно демонстрирует эффективность «мягкой силы» в информационном пространстве и ее прямую связь с реальным миром.

6. «Мягкая сила» России: сложившаяся ситуация и потенциальные возможности

Рассмотрим сложившуюся ситуацию в России в контексте возможностей использования «мягкой силы»,

а также потенциальные возможности ее использования в обозримом будущем. Для начала проанализируем такую составляющую гибкой власти, как культура – в этом плане Россия обладает богатыми традициями высокой культуры, сопоставимыми со странами Европы. В сфере массовой культуры у нас нет таких очевидных достижений, так как большинство образцов массовой культуры заимствовано у других стран. Построение «мягкой силы», основанной на научных достижениях, имеет перспективы, так как интеллектуальный потенциал страны остается высоким, однако возможности реализации научных исследований ограничены, в силу «окукливания» властной элиты и сформированного в обществе неадекватного отношения к науке в целом. В политической сфере наблюдается ситуация, характерная для переходных периодов – большинство политических инициатив направлены на динамическое поддержание стабильного состояния общества без серьезных изменений структуры. В таком климате формирование капитала «мягкой силы», основанной на ценностях, практически невозможно на международном уровне, так как отсутствуют сами цивилизационные ценности, представляющие интерес для других субъектов международных отношений. В данном случае существует выбор – искать новые пути развития, основанные на ценностях, которые имели бы вес в масштабах, выходящих за пределы России, либо отказаться от претензий на формирование повестки для других субъектов международных отношений.

Однако, учитывая характер самого российского государства, основанного как многонациональное образование, выработка определенной системы ценностей и капитала «мягкой силы» является, если не обязательным, то желательным шагом. В противном случае Россия рискует резко снизить собственное влияние на международной арене или даже потерять территориальную целостность. Попыткой создания института, основанного на объединяющих ценностях, является образование Евразийского союза. Сотрудничество в рамках внешней политики практически всегда благотворно влияет на мягкую силу государства – оно может добиваться продвижения собственных интересов путем привлечения других участников. Однако, что касается Евразийского союза, в настоящий момент действия его членов несопоставимы провозглашенным широким целям интеграции [26]. На данном этапе осуществляется только начальная экономическая интеграция, направленная на соглашение в сфере региональной торговли и экономики. Подобный шаг является достаточно важным, однако, как показал пример Европейского союза, объеди-

нение государств лишь на основе экономики не может привести к гармоничной интеграции данных игроков – дело ограничится лишь партнерством в торговой сфере до тех пор, пока существуют общие интересы. Опасения также вызывает слабость институтов, существующих внутри государств, а также разница в экономическом развитии и политической ситуации. Так, неразвитость «мягкой силы» членов союза может привести к временности данного образования и подорвать доверие участников к совместному проекту [27].

В целом, подводя итоги развития источников мягкой силы в России, следует отметить, что государству следует скорректировать собственную внутреннюю политику и ситуацию внутри страны, так как жизнь самих граждан в государстве является одним из основных показателей привлекательности данного государства. Также для успешного наращивания капитала «мягкой силы» не хватает четко структурированных ценностей, не отягощенных негативным восприятием другими странами некоторых особенностей Советского Союза.

Особое внимание следует уделить вопросу «мягкой силы» в информационном пространстве. В настоящее время данный аспект является весьма актуальным, так как само информационное пространство, а особенно сеть Интернет, стало еще одним полноценным полем деятельности. Влияние в нем, хоть и представляется виртуальным, является существенным компонентом общего воздействия на других субъектов международных отношений. Ранее влияние средств массовой информации также было велико: теле- и радиовещание является одним из важнейших средств трансляции смыслов и ценностей субъекта. Однако интернет на сегодняшний день является не просто средством трансляции в одностороннем порядке – он стал новым пространственным измерением, новой территорией действия. Более того, влияние в сети сравнимо с физическим контролем над территорией. Значимость подобного влияния также не стоит недооценивать, так как именно Интернет становится одним из самых эффективных инструментов «мягкой силы». Следует отметить два немаловажных эффекта. Во-первых, восприятие большого количества новой информации, а также просто ее мгновенная скорость обращения, влияют на сознание пользователя, в некоторых случаях размывая его прошлые взгляды. Во-вторых, избыточность информации создает эффект барьера, «информационного шума». В этой ситуации становится весьма важным факт того, кто контролирует данную социальную сеть, осуществляет общее модерирование информационного пространства [28]. Кроме того, следует отметить, что

защита участников сети от манипуляций определяется в значительной степени наличием «проектной идентификации» своих граждан и потенциальной возможностью вовлечения в эту идентификацию представителей других стран. Как следствие, потенциальные возможности раз-

вертывания «мягкой силы» России неразрывно связано с проектом ее будущего, осмысленного и принимаемого большей частью населения страны и представляющего интерес для граждан других стран.

Литература

1. Лепский В.Е. Чтобы в России заработала демократия, надо научиться управлять сложностью // «Развитие и экономика». 2013, №1.
2. Лефевр В.А. Высшие ценности и формальная теория выбора // Рефлексивные процессы и управление. 2009. №1-2. С.51-56. http://www.reflexion.ru/Library/J2009_1-2.pdf.
3. История этических учений: Учебник / Под ред. А.А. Гусейнова. - М.: Гардарики, 2003. - 911 с.
4. Shelling T.C. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, Massachusetts, 1963.
5. Цыганков П.А. Томас Шеллинг и применение теории игр в исследовании конфликта и сотрудничества // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. - М.: Гардарики, 2002. С. 251-254.
6. Раппопорт А. Что такое рациональность? // Рефлексивные процессы и управление. 2002, №2. С.23-47. http://www.reflexion.ru/Library/J2002_2.pdf.
7. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Соврадио, 1973.-158с.
8. Лефевр В.А. Кибернетика второго порядка в Советском союзе и на Западе // Рефлексивные процессы и управление. 2002.Том 2 №1. С.96-103. http://www.reflexion.ru/Library/J_2002_1_rus.pdf.
9. Томас Т.Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. 2002.Том 2 №1. С.71-89. http://www.reflexion.ru/Library/J_2002_1_rus.pdf.
10. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексивные игры. М.: СИНТЕГ, 2003. - 149 с.
11. Таран Т.А. Булевы модели рефлексивного управления в ситуации выбора // Автоматика и телемеханика. - 2001. №10. - С. 103 - 117.
12. Лефевр, В.А., Баранов, П.В., Лепский, В.Е. Внутренняя валюта в рефлексивных играх. Известия Академии Наук СССР. Техническая кибернетика, 1969, №4, С.29-33. См. также: Рефлексивные процессы и управление. 2006, №2. С.96-102. http://www.reflexion.ru/Library/J2006_2.pdf.
13. Лефевр, В.А. Алгебра совести. - М.: «Когито-Центр». 2003. - 426 с.
14. Lefebvre, V.A. (2006). *Research on Bipolarity and Reflexivity*. Lewiston: The Edwin Mellen Press.
15. Lefebvre, V.A., Sanabria, F. (2008). *Matching by Fixing and Sampling: A Local Model Based on Internality*. Behavioral Processes, Vol. 78, pp.204-209.
16. Лефевр, В.А. Лекции по теории рефлексивных игр.- М.: «Когито-Центр», 2009.- 218 с.
17. Крамер З.Х., Кайзер Т.Б., Шмидт С.Е., Дависон Дж.Е., Лефевр В.А. От предсказаний к рефлексивному управлению // Рефлексивные процессы и управление. 2003.Том 3 №2. С.35-52. http://www.reflexion.ru/Library/J2003_2.pdf.
18. Gene Sharp *The Politics of Nonviolent Action* (3 vols) / *Extending Horizons Books*, Porter Sargent Publishers Inc., 1973.
19. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской - М.: Новое издательство, 2005. - 84 с.
20. «Крестный отец» всех цветных переворотов Джин Шарп: «Революционной борьбе надо учиться у русских» / Интервью газете «Комсомольская правда» 14 июня 2012 г. (Галина Сапожникова) <http://www.wkpr.ru/daily/258994/2857072/>.
21. Mann S.R. *Chaos Theory in Strategic Thought* // *Parameters*. Autumn 1992. P. 62. Cит. no: M.S.G. Nitzschke. *United States Marine Corps Vietnam: A Complex Adaptive Perspective* Mann, Steven R. *Chaos Theory and Strategic Thought* // *Parameters* (US Army War College Quarterly), Vol. XXII, Autumn 1992, pp. 54-68.
22. Лепский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010, №4. С.69-78.
23. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. -М.:Тренд, 2006. -397с.
24. Бжезинский Збигнев. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. - М.: Междунар. отношения, 2007.- 240 с.
25. США-Канада : экономика, политика, культура : США. № 9. «Мягкая сила» Барака Обамы – расчеты и просчеты. Шумилина И.В. с 41-58.
26. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный анализ проблем интеграционного проекта для Евразии // Развитие и экономика. №2, 2012. С.108-115.
27. Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы». // Полис. 2008. № 2.
28. Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А., Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием // Политика и общество, № 1, 2012, с.65-75.

Материал поступил в редакцию 11. 12. 2012 г.